

РАССКАЗ ИЕРОМОНАХА ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ, ОТ-ЦА ПАВЛА (В МИРУ ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ БОРОВСКИЙ).

Мы жили на Даниловском кладбище, где отец мой был причетником. Кладбищенская церковь была построена во имя херсонских угодников. С тех пор ее сломали и поставили другую во имя Сошествия Св. Духа.

У отца и матери нас было четверо, мне уже минуло восемнадцать лет, одному из моих братьев шел десятый год, другому четвертый, а сестра была еще в колыбели. Все духовенство жило на самом кладбище, но вокруг не было решительно никого. Мы и не собирались покинуть нашего гнезда, потому что идти было некуда, но зарыли в землю наше добро. Даже съестную провизию положили в вырытую яму и засыпали легким слоем земли, чтоб иметь всегда возможность ее достать, а себе оставили что было необходимо на самое короткое время.

Надо было также подумать и о церковном имуществе. Дня за четыре до вступления неприятеля в Москву, было куплено место на кладбище, у самой церкви, и яму вырыли большую, однако покойника не привезли. 1-го сентября пришлось нам хоронить младенца лет трех. Священник и придумал положить утварь в сундук и опустить его в вырытую для могилы яму, потом засыпать ее землей, но не доверху, и поставить в нее детский гробик, а его не засыпать, чтоб он был на виду. Если придут неприятели, то подумают что его засыпать не успели и им в голову не придет что под гробом что-нибудь спрятано. Мы так и сделали, и младенец охранял во все время имущество нашего храма.

На другой день погода стояла красная, и мы вышли посидеть на кладбище. Вдруг видим идут от Калужской заставы полки за полками. В городе разошелся слух что подойдут к нам Англичане на помощь, и мы вообразили что явились союзники, и очень обрадовались, а Бонапарта ждали еще не скоро в Москву. Живо вскочили мы с мест и побежали вперед полюбоваться на армию, но не успели удалиться на сто шагов от дома, как раздались ружейные выстрелы и засвистали пули над нашими головами. Мы бросились назад и спрятались за деревья, но и тут не догадались что пришли неприятели, и не могли понять кто в нас стрелял. Вдруг подскочил к нам солдат, поровнялся с нами и соскочил с лошади. Матушка к нему подошла и говорит: „Позвольте спросить что слышно о Бонапарте, далеко еще он от Москвы?" А тот взглянул на нее так гордо и отвечает: „Император Наполеон уже в Москве, и я служу в его армии." По-русски он выговаривал туго, а довольно разборчиво, потом говорит: „Дайте хлеба, вина и денег, не меньше десяти рублей." Мы были ни живы, ни мертвы, и пошли домой, а он за нами. Матушка принесла печеный хлеб и полштофа вина, а батюшка десятирублевую ассигнацию. Неприятельский солдат ее не взял и потребовал серебра. Отец набрал десять рублей серебряными деньгами и подал ему. Он положил их в кошелек, взял вино и хлеб и говорит отцу: „Иди со мной; я тебя отведу к нашему начальнику." Мать заплакала и мы также, но противиться не было возможности. Солдат увел отца, дорогой он встретил нашего пономаря и его также захватил с собою.

Остались мы одни с матерью, и горько плачем. Настал вечер, и мы собирались уложить детей, а матери и мне сон не идет на ум. Сидим мы подгорюнившись, как вдруг слышим опять выстрелы над самым нашим домом. Мы так и вскочили, я взял на руки меньшого брата, мать выхватила из люльки сестру, и выбежала из дома с десятилетним братом. Мы бежали без оглядки и разошлись в темной. Когда я остановился чтобы перевести дух, то позвал мать: она не отозвалась.

Я долго бродил по лесу с ребенком на руках. Он задремал и я уложил его под дерево, сел около него и стал глядеть на Москву. Вижу темное небо заалело, и багровеет все больше и

больше, и наконец зарево пожара осветило всю округность: Москва горела.

Сколько лет прошло с тех пор, а мне так памятна эта ночь, как будто дело было вчера. Не приведи Бог жить в такое время. Все сердце у меня изныло: и мысль о своих меня мучила, и пред глазами горела Москва.

Поутру я взял брата и пошел домой. Вхожу и вижу—все семейство налицо. Боже мой! как я обрадовался, и как они мн обрадовались! Мать также как и я скиталась ночью в лесу и недавно вернулась домой, а вслед за ней пришел и отец. Он рассказывал что в полуверсте от нас недруги разбили лагерь, где берегли свои снаряды. В этот лагерь солдат привел накануне отца и нашего пономаря. К ним приставили стражу, и всю ночь они ждали чтобы решились об их участи. Поутру пришел генерал, увидел их и спросил что они за люди. По-русски он говорил, или объяснялся через переводчика, этого я не помню. Отец рассказал ему все дело, и генерал сказал: „Солдат мог просить у вас вина и хлеба, а досадно мне что вы дали ему денег. Идите с Богом, вас больше тревожить не будут.“

И действительно, около французского лагеря стоял крепкий караул, чтоб охранять их снаряды, так что и кладбище было безопасно. Мало того: генерал, по просьбе причта, приказал наложить печать на церковную дверь, и в продолжения трех недель мы прожили спокойно.

А уж тут плохо пришлось: пока была провизия в Москве, недруги грабили погреба и лавки, а как все подобралось, они стали голодать, и пошла совершенная неурядица. Начальников они не слушались и врывались всюду толпами, несмотря на стражу. Пожаловали они к нам и бросились прямо к церкви. Печать сорвали и ободрали все серебряные венцы с образов. Выходя они встретили отца и приняли его должно быть за священника, потому что он носил длинную бороду. Они его в ту же минуту окружили и спрашивают: „Где церковное имущество?“ Он говорит: „Наша церковь бедная, что есть то налицо.“ Стали опять его допрашивать, и он все свое. И разсердились они, бросились на него, и страшно истязали его бедного, потом ушли и оставили его еле живаго на кладбище. Как он немножко опомнился, так доплелся кой-как домой, и пролежал несколько дней, головы не подымая. Недруги приходили обыкновенно к нам целыми стаями, и все искали нет ли спрятанного добра. Ходят, бывало, со щупами около дома, и отыскивали они нашу провизию, а сундука, где было спрятано наше имущество, не нашли.

Пришлось нам питаться кое-чем: около кладбища стояли мельницы. Уж раз десять недруги в них шарили, однако и нам удалось отыскать в одной из них гнилой муки, перемешанной с солодом. Да всему тогда рады были: мы из этой муки пекли лепешки и примешивали к ним совсем почти сухую икру, что нашли неподалеку в погребе. Овощи мы брали с огородов, да кроме картофеля редко что попадалось. Пища была не завидная, нечего сказать. Однако мы узнали что около нас в слободке один из наших продает муку, и не иначе как по ночам, потому что боится недругов. Пошли мы туда с отцом и купили пуд муки: заплатили четыре рубля, на теперешние деньги целковый.

Раз пришли к нам Французы хлеба печь, и муки с собой принесли. Мы как их увидели, убрались в лес. Пелую неделю ходили они к нам печь хлеб: как одни уйдут, придут другие. Мы все боялись чтоб они нашего дома не сожгли, потому что печь не остывала. Однако Бог помиловал.

Я два раза попадался в руки недругов. Сестра моей матери жила на Калитнинском кладбище. Мать очень об ней беззаботилась и решилась послать меня с братом узнать что тетка. Приходим, у тетки все благополучно: стоят у нея в доме три Француза, сами не обижают и другим в обиду не дают. Как пошли мы назад, видим у **Серпуховских ворот**, около **церкви Вознесенья**, толпятся Французы. Мы было назад, да они нас мигом окружили. Брату удалось ускользнуть, а меня они повели с собой. Из церкви они выгребали навоз, потому что хотели сделать из нея амбар. Они открыли хлебный склад на конной площади и перетаскивали мучные мешки в церковь Вознесенья; толпа наших им помогала. Стояли тут же и возы отбитые у крестьян в округностях Москвы, и многие

мужички узнавали своих лошадей. Велено было и мне таскать мешки. К вечеру оделили нас всех по большому ломтю ржаного хлеба. И вочью работали поочередно, да надзор за нами был уже не так строг, потому что сами Французы дремали. Я улучил удобную минуту и убежал.

А то раз еще, это было уже в первых числах октября, ходил я с отцом к нашему монастырю. * Был там паточный завод, и Французы продавали патоку. Мы купили ведро и уж собирались идти домой, какь вдруг подъехало несколько человек неприятелей. Одинъ соскочил с лошади и крикнул по-русски: „Держи лошадь!" Я взял ее под устцы, а она меня дичится и рвется из рук. Как я ни старался, но поводьев удержать не мог. Лошадь у меня вырвалась. К ея седлу был привязан кувшин, должно быть с какою-нибудь едой. Как она рванулась, кувшин этот оторвался, упал и разбился в дребезги. Увидел это солдат который дал мне лошадь держать и так обозлился что ударил меня в щеку. У меня искры из глаз посыпались, не понимаю как я на ногах устоял. Приказал он нам идти за ним, и повел нас к Донскому монастырю. Как мы шли, он все на нас ругался, да с сердцов-то как выхватит саблю и взмахнется на меня.... Не могу забыть до сих пор как сабля засвистала над моею головой. Я. так и думал что настал мой смертный час. Но видно солдат только постращать меня хогел.

В Донском стояло много веприятелей. Что бы они из нас сделали—не знаю, да на наше счастье только что мы пришли, прискакал, запыхавшись, верховой и что-то издали кричит. Все около него столпились, и он им что-то объянял. Поднялась вдруг такая суматоха что уж мы видим нашим Французам не до нас. Все стали собирать добро, которое награбили, да укладывать его и седлать лошадей. А мы с отцом нырнули в монастырския ворота, и бегом домой.

На другой день мы видели как неприятели выступали из Москвы, и догадались что верховой который приезжал накануне в Донской монастырь повестил своим чтоб они собирались в путь. Нам от них плохо пришлось, да и они не мало приняли горя. Чего они ни натерпелись как шли от нас назад! Видно и мы и они прогневали Господа.

- Въ самой ограде Данилова есть кладбище, как при всех наших монастырях, но кроме того есть еще другое принадлежащее обители, отстоящее от нея на четверть версты или больше. Тут жило семейство отца Павла.

**Храм Вознесения у Серпуховских ворот.
Ул. Б. Серпуховская д.24**